

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИЯ

ТАНСКИЕ ЗАКОНЫ О НАНЕСЕНИИ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА

© 2015

В. М. РЫБАКОВ

Нормы определения наказаний за имущественные преступления всегда несут на себе отпечаток сформировавшей их культуры. Чрезвычайно интересны в этом отношении предписания традиционного китайского права, относящиеся к социально нежелательным деяниям, связанным с предумышленным и непредумышленным нанесением материального ущерба. Как правило, эти деяния следовало наказывать по нормам, предназначенным для чиновников среднего звена, совершивших присвоение какого-то имущества при осуществлении своих обязанностей. Сопоставление криминальных ситуаций, при которых следовало применять эти нормы уголовного права, показывает, насколько широким было в ту пору представление о выполнении членами общества своих обязанностей, а также то, что, согласно тогдашним воззрениям, имущественное преступление состояло не столько в неправомерном обогащении преступника, сколько в неправомерном перемещении имущества.

Ключевые слова: традиционные общества, государство и право, уголовные законы, имущественные преступления, идеология.

Уголовные нормы, предусматривающие наказания за имущественные преступления, в отличие, например, от законов о государственной измене, о покушениях на царствующих особ и прочих экстраординарных деяниях, относительно неброски. Однако порой за их сугубо приземленными предписаниями можно разглядеть весьма специфические культурные составляющие, осмысление которых выводит далеко за пределы собственно уголовного права.

К характерным примерам такого рода можно отнести уголовные законы китайской династии Тан (618–907), сформулированные в кодексе “Тан лой шу и”, которые относятся к действиям, непреднамеренно или преднамеренно приведшим к нанесению имущественного ущерба.

Танское уголовное право выделяло шесть основных типов имущественных преступлений – так называемые шесть присвоений (*лю цзан* 六贓). Это были: грабеж, кража, взятка с последующим нарушением закона в пользу взяткодателя, взятка без последующего нарушения закона в пользу взяткодателя, присвоение имущества, вверенного по службе, и “незаконное присвоение, подлежащее наказанию” (*цзо цзан чжи цзуй* 坐贓致罪), или просто незаконное присвоение (*цзо цзан* 坐贓). Это последнее Кодекс определяет так:

“...Имеется в виду, что тот, кто не являлся полномочным или непосредственно ответственным чиновником (*фэй цзяньлинь чжусы* 非監臨主司), получил имущество по [какому-либо] делу (*инь ши* 因事)” [Тан луй..., ст. 389; *Уголовные установления Тан...*, 2008, с. 11].

Другими словами, незаконным присвоением считалось неправомерное получение имущества государственным служащим в процессе осуществления им своих обязанностей, притом что данный служащий не был начальником какого-либо

учреждения или административной единицы, не заведовал каким-либо конкретным объектом (зернохранилищем, например) и не вел следствия по уголовному делу или по разбору некоей тяжбы. В подобных ситуациях у чиновника не было ни подведомственных или прямо подчиненных ему по службе людей, ни непосредственно вверенного его попечению имущества, ни зависящих от его решений подследственных или заинтересованных лиц. Значит, у данного служащего не было ни средств давления, которыми он мог бы воспользоваться при отъеме имущества, ни возможности принять какое-либо незаконное решение в пользу того, от кого он это имущество получил.

Среди прочих видов присвоений этот считался наиболее “невинным”, и наказания за него предусматривались более легкие, чем за остальные.

“При стоимости в 1 *чи* [виновный] наказывается 20 ударами легкими палками. За [каждую последующую] 1 *пи* наказание увеличивается на 1 степень. За 10 *пи* – 1 год каторги. За [каждые последующие] 10 *пи* наказание увеличивается на 1 степень. [Увеличение] наказания ограничивается 3 годами каторги. ...Давший получает наказание, уменьшенное на 5 степеней” [Тан луй..., ст. 389; *Уголовные установления Тан...*, 2008, с. 10]¹.

Однако на деле шкала определения наказаний, предусмотренная для незаконных присвоений, применялась в танском уголовном праве отнюдь не только к чиновникам, не только к служебным делам и даже, что еще более симптоматично, не только к тем, кто реально обогатился. Интересно проследить, насколько расширительно могли, судя по спектру применимости норм незаконного присвоения, трактоваться фигурирующие в определении этого преступления понятия служебного дела и получения имущества.

НЕПРЕДНАМЕРЕННЫЙ УЩЕРБ

1

Трудно переоценить значение регулирования водной стихии для экономики тогдашнего Китая. Потребность в искусственной ирригации, в оросительных сооружениях, в каналах, по которым из хлебных областей в центральные регионы транспортировалось зерно, была жизненно насущной. Однако, как бы ни было обширно и могущественно государство, ему служат и обеспечивают его нормальное существование самые обыкновенные люди. И, значит, даже самые важные дамбы зависят от самых мелких людей.

Законы Тан предписывали:

“Там, где вблизи Хуанхэ и [других] больших водных потоков имеются водозащитные сооружения, в [надлежащее] время они осматриваются начальниками округов (*цзыши* 刺史) и уездов (*сяньлин* 縣令). Если требуются починка и приведение в порядок, каждую осень по завершении сбора урожая [указанные начальники] определяют [необходимый] объем работ и отряжают рабочих для починки и приведения в порядок. Если неожиданные наводнение или разлив повредили

¹ Шкала регулярных наказаний по танскому праву состояла из: пяти разновидностей наказания легкими палками (10, 20, 30, 40 и 50 ударов); пяти разновидностей наказания тяжелыми палками (60, 70, 80, 90 и 100 ударов); пяти разновидностей наказания каторгой (1 год, 1.5, 2, 2.5 и 3 года работ); трех разновидностей наказания ссылкой (ссылка на 2000, на 2500 и на 3000 *ли*, где *ли* – ок. полукилометра); двух разновидностей наказания смертью (удавление и обезглавливание). Эти наказания группировались по степеням тяжести, которые в основном повторяли разбивку по разновидностям. Мерилом стоимости в танском Кодексе избран шелк определенного сорта, который, в свою очередь, измерялся либо в штуках (*пи* 疋), либо, если присвоение было небольшим, в отрезках *чи* 尺. Одна штука шелка определяется в Кодексе как единица ткани длиной в 40 *чи* и шириной в 1 *чи* 8 *цуней*, один отрез – часть штуки длиной в 1 *чи* при стандартной ширине в 1 *чи* 8 *цуней*. Относительно покупательной способности этих денег можно упомянуть, что в Кодексе несколько раз подчеркивается: 1 трудодень отбывающего трудовую повинность или нанятого на работу человека стоил 3 *чи* шелка.

водозащитные сооружения и люди подвергаются опасности, починка проводится сразу, вне зависимости от [установленных] сроков” [Ниидо Нобору, 1964, с. 805]².

С неисполнением либо ненадлежащим исполнением такого рода важнейших для благосостояния страны предписаний связаны были несколько типов правонарушений.

“Всякий раз, когда водозащитные сооружения не были починены или были починены, когда [урочное] время оказалось уже упущено, непосредственно ответственные чиновники (*чжусы* 主司) наказываются 70 ударами тяжелыми палками. Если [в результате] были разрушены или повреждены дома людей, или было смыто и утрачено [какое-либо] имущество, наказание определяется за незаконное присвоение (*цзо цзан лунь* 坐贓論) с уменьшением на 5 степеней. ...Имеется в виду, что при стоимости утраченного в 10 *ти* наказание – 60 ударов тяжелыми палками. [Увеличение наказания] ограничивается 100 ударами тяжелыми палками” [Тан люй..., ст. 424; *Уголовные установления Тан...*, 2008, с. 69–70].

Наказание было, если сопоставить его с вредными последствиями преступных действий, чрезвычайно легким. Шкала незаконных присвоений была тут сдвинута в сторону облегчения на 5 степеней; к тому же ограничение возрастания тяжести наказаний располагалось весьма низко – на уровне 100 ударов тяжелыми палками (именно это наказание получалось в результате уменьшения предельного в шкале незаконных присвоений наказания, равного 3 годам каторги). Но тем не менее некая изоморфность исходному определению незаконных присвоений налицо. В процессе не вполне адекватного исполнения своих обязанностей (можно даже сказать: “по делу” – *инь ши* 因事, которое заключалось в необходимости поддерживать водозащитные сооружения в порядке) чиновник бескорыстно, не получив сам никакой наживы, вызвал некий материальный ущерб, перемещение имущества в никуда. Себе он ничего не взял, но его действия вызвали движение собственности не туда и не так, куда и как ей надлежало бы двигаться, если бы все происходило нормально, по закону. Применение шкалы незаконных присвоений выглядит вполне логичным, хотя это, что ни говори, непростая логика.

В результате виновный в служебной халатности чиновник, не совершив реально никакого хищения, получал наказание, пусть и с уменьшением, по нормам уголовного закона, предназначенного для тех, что лично чем-то поживился благодаря службе.

Ответственность местных начальников за подведомственное население и его безопасность устанавливалась при танской династии на столь высоком уровне, что законом предусматривались для них тоже личные наказания и на случай, если стихийное бедствие нанесло кому-то из подведомственного населения не только материальный, но и физический ущерб. То, по какому закону следовало определять карательные санкции в подобных случаях, буквально умиляет:

“Если ...погиб или получил телесное повреждение человек, [виновный] получает наказание, уменьшенное на 3 степени относительно [полагающегося за] убийство или нанесение телесного повреждения в драке” [Тан люй..., ст. 424; *Уголовные установления Тан...*, 2008, с. 69–70]³.

То есть если удавалось установить связь между халатностью должностного лица, не проведшего текущий ремонт водозащитных сооружений вовремя и надлежащим образом, и гибелью либо травмированием при разливе кого-то из подведомственных, нерадивый чиновник, пусть и с облегчением на 3 степени, получал наказание, как если

² Текст этого общеобязательного установления (*лин* 令) сохранился только в посвященной ремонту дамб статье танского кодекса и именно отсюда был взят Ниидой Нобору в его сборник. В аналогичном японском общеобязательном установлении, близко к тексту воспроизводящем танское, далее говорится: “Если [для ремонта плотины] мобилизуется свыше 500 человек, тогда докладывать Государственному совету” [*Свод законов “Тайхорё”*, 1985, т. 2, с. 55]. Учитывая частоту совпадений в предписаниях танских и современных им японских *линов* (*рё*), можно предположить, что, если для проведения работ потребно оказывалось менее 500 человек тяглых, о концентрации рабочей силы можно было наверх не докладывать.

³ О наказаниях за насильственные действия в отношении других людей см.: [Рыбаков, 2013, с. 277–352].

бы он сам, своими руками, пострадавшего человека искалечил либо убил. Скажем, тому, кто в драке сломал противнику ногу, полагалось 3 года каторги; если во время наводнения у кого-то оказалась сломана нога, халатному управленцу грозило 1.5 года каторги.

Гуманной демократической цивилизации остается лишь мечтать о таком отношении высшей власти и закона к кадровым управленцам.

2

Сходные правила действовали на всех, вне зависимости от их социального положения и наличия или отсутствия у них рангов и должностей. Если некто, стараясь украсть воду для своих посевов, повредил водозащитное сооружение и тем непреднамеренно вызвал разлив, нанесший кому-то материальный ущерб, наказание преступнику определялось согласно стоимости нанесенного стихией ущерба и тоже по шкале незаконных присвоений. Правда, в отличие от халатного чиновника ему не полагалось уменьшения наказания на 5 степеней. Бездействие чиновника, пропустившего опасность разлива, и действие похитителя воды, пусть и не желавшего нанести никому вреда, но все же – вора, никак не могли быть уравнены.

“Всякий, кто воровски повредил водозащитное сооружение, наказывается 100 ударами тяжелыми палками. Имеется в виду, что украл воду для частного пользования. ...Если были разрушены или повреждены дома людей, или было смыто и утрачено [какое-либо] имущество, ...а из расчета стоимости присвоения наказание тяжелее, чем 100 ударов тяжелыми палками, тогда ...наказание определяется за незаконное присвоение. Имеется в виду, что при стоимости в 10 *пи* наказание – 1 год каторги, а [за каждые последующие] 10 *пи* наказание увеличивается на 1 степень” [Тан луй..., ст. 425; *Уголовные установления Тан...*, 2008, с. 72–73].

Именно при стоимости ущерба в 10 *пи* наказание по шкале незаконных присвоений оказывалось тяжелее, чем 100 ударов тяжелыми палками, полагавшиеся за самый факт повреждения сооружения с целью воровства воды.

И в случае с халатным чиновником, и в случае с неосмотрительным водяным вором видны изоморфные коллизии. Некто совершил противоправное действие, которое было наказуемо уже само по себе (служебная халатность – 70 ударов тяжелыми палками, воровское повреждение дамбы – 100 ударов тяжелыми палками). Оба действия были следствием некорректного исполнения своих обязанностей: чиновник обязан осматривать и чинить дамбы, поселянин, хоть и не был чиновником, обязан заботиться об урожае только законными средствами. Оба преступника не получили никакой выгоды, просто переместили некое имущество в небытие. Оба виновника возникшего вследствие их некорректных действий ущерба подлежали наказанию по шкале незаконных присвоений.

Обстоятельства были сходными, но мотивации – различными. При равной стоимости погибшего имущества служебная халатность чиновника расценивалась на 5 степеней более легким нежелательным деянием, нежели прямая попытка воровства.

3

Непреднамеренный ущерб в силу неадекватного исполнения обязанностей мог быть нанесен, например, и при транспортировке каких-либо грузов водным путем.

Речной транспорт был, пожалуй, самым широко распространенным и выгодным в тогдaшнем Китае в силу, с одной стороны, изрезанности ландшафта и сложности сухопутных перемещений, а с другой – затруднительности каботажных морских перевозок и немалой их бессмысленности, ведь центры экономической и политической жизни страны располагались в основном вдали от побережья. Сравнительная выгодность речных коммуникаций (дополнявшихся коммуникациями по каналам – либо специально вырытым, либо углубленным по речным руслам) плюс высокая грузоподъемность речных судов по сравнению с сухопутными караванами делали этот вид транспорта

незаменимым. А интенсивность движения по водным путям делала необходимыми разработку и строгое соблюдение правил, обеспечивавших безопасность и бесперебойность движения.

Сложность и дотошная регламентация обязанностей тех, кто отвечал за речные перевозки, как нельзя лучше характеризуется самим текстом соответствующей статьи Кодекса.

“Кормщик (*чуаньжэнь* 船人) – имеется в виду человек, общественным или частным порядком ведший судно⁴. Конопатить – имеется в виду затыкать щели судна. Удалять просочившееся – имеется в виду избавляться от просочившейся воды. Предупредительные знаки при остановке на ночь – имеется в виду, что места ночных стоянок плавущих судов необходимо [выбирать] в протоках или у островов и выставлять предупредительные знаки, чтобы плавущие [мимо] могли видеть [стоянку] издалека. Нарушения этого являются [действиями] не по правилам. Равно как если судну либо плоту полагалось уступить путь – [имеется в виду, что] если суда, идущие вниз и вверх по течению одно другому навстречу, либо в опасных местах среди островов и отмелей, не будут уступать путь друг другу, окажется много перевернувшихся и утонувших. Необходимо придерживаться правил движения судов и всякий раз уступать путь друг другу. Равно и в таких местах, как быстрины и пороги, идущие против течения к верховьям уступают путь тем, кто идет вниз по течению... Нарушения во всех этих случаях наказываются 50 ударами легкими палками” [Тан люй..., ст. 427; *Уголовные установления Тан...*, 2008, с. 78].

Если же из-за какого-либо из перечисленных нарушений был нанесен непреднамеренный ущерб, наказание виновному кормщику определялось опять с применением шкалы незаконных присвоений.

“Если судно не было проконопачено, или [из него] не удалялось просочившееся, или [оно] не уступило путь и по причине этого оказалось испорчено или утрачено казенное или частное имущество, наказание определяется за незаконное присвоение с уменьшением на 5 степеней. Имеется в виду, что при стоимости в 10 *пи* наказание – 60 ударов тяжелыми палками, за [каждые последующие] 10 *пи* наказание увеличивается на 1 степень, а [увеличение] наказание ограничивается 100 ударами тяжелыми палками” [Там же].

Обращает на себя внимание, во-первых, равенство “права на безопасность” казенной и частной собственности. Закон отнюдь не стремился сделать государственное имущество приоритетным и повысить ответственность за ущерб, нанесенный казне, по сравнению с ущербом, нанесенным частному имуществу. И во-вторых, показательно, что здесь наказание, вычисляемое по шкале незаконных присвоений, вновь уменьшалось на 5 степеней. То есть ровно так же, как в ситуации с начальниками административных единиц, упустившими время ремонта дамб, результатом чего стал нанесший ущерб разлив. Халатный чиновник и халатный судоводитель ставились почти вровень. Единственная разница – здесь определять наказание по шкале незаконных присвоений надлежало начинать раньше, по превышении исходного минимума, равного 60 ударам тяжелыми палками. Да и то лишь потому, что не повлекшая негативных последствий халатность кормщика оценивалась на 10 палок легче, чем не повлекшая негативных последствий халатность чиновника.

Равенство наказаний, конечно, не всегда может означать осознанно равное отношение к двум преступлениям. Могут быть и просто совпадения. И все же какое-то родство тут можно заподозрить: начальник в округе или уезде, по халатности не починивший вовремя плотину и тем нанесший непреднамеренный ущерб имуществу третьих лиц, и кормщик, государственный служащий или частный труженик, по халатности недосмотревший за своим судном и тем нанесший непреднамеренный ущерб имуществу

⁴ В тексте сказано: *гун сы син чуань чжи жэнь* (公私行船之人) – “человек, который вел судно, был ли он государственным служащим или частным лицом”. Отнюдь не сказано: “казенное или частное судно” – это было бы уже совсем иное дело. Речь идет, надо полагать, лишь о том, находился ли кормщик на службе в государственной структуре или, скажем, у частного лица, или был вольным капитаном, нанимавшимся то тут, то там.

казны или третьих лиц. Оба, пусть один был госслужащим, а другой – неважно кем, оплошали в процессе исполнения своих прямых обязанностей. Оба тем самым нанесли кому-то убыток. И оба практически в равной степени подпадали под статью о чиновниках, незаконно получивших чужое имущество в процессе ведения вверенных им дел.

4

Непреднамеренный ущерб мог быть нанесен не только водой, но и огнем. Например, такая важная и в то же время такая опасная, чреватая утратой контроля над грозной стихией процедура, как выжигание полей (*шао тянье* 燒田野), была регламентирована не менее тщательно, нежели кораблевождение.

“...Несвоевременное выжигание – имеется в виду после 1-го дня 2-го месяца и до 30-го дня 10-го месяца. Но если местной природе (*сянту* 鄉土) соответствует [что-либо] иное, [действуют] на основании местных правил. Имеется в виду, что на северных землях рано наступают морозы, а на южных землях поздно приходят холода, значит, природным условиям (*фэнту* 風土) соответствует иное. В любом случае необходимо полностью собрать урожай, и поэтому [при выборе] времени для выжигания полей нельзя одинаково придерживаться... установленных. Поэтому сказано: [действуют] на основании местных правил” [Тан луй..., ст. 430; *Уголовные установления Тан...*, 2008, с. 83].

Другой недопустимый недосмотр в Кодексе фигурирует как “заронить (упустить) огонь” (*ши хо* 失火). Несколько тавтологическое определение гласит: “Заронить огонь – имеется в виду, что заронил огонь, когда что-либо жег” [Тан луй..., ст. 430; *Уголовные установления Тан...*, 2008; с. 82]. Имелось, вероятно, в виду, что данный огонь не был зажжен специально с целью сжечь что-то, что сжигать не следовало. То есть само по себе зажание было вполне правомерным.

Само по себе несвоевременное выжигание полей или неаккуратность в обращении с огнем при правомерном сжигании чего-то наказывалось 50 ударами легкими палками. Однако:

“Если огонь распространился на хозяйственные или жилые постройки (*шэчжай* 舍宅) либо имущество [какого-либо] человека, наказание – 80 ударов тяжелыми палками. Если присвоение [наказывается] тяжелее, наказание определяется за незаконное присвоение с уменьшением на 3 степени. ...Когда присвоение достигает 20 *пи* или выше, при определении наказания следуют [величине] присвоения” [Там же]⁵.

Опять ни слова о социальной принадлежности виновного, о наличии или отсутствии у него официальных полномочий выжигать поля или что-то жечь. Любой, кто, занимаясь пусть и необходимыми огневыми делами, не соблюдал при этом правил или проявил халатность, в результате чего произошло непреднамеренное нанесение ущерба третьим лицам, подпадал под статью о чиновнике, незаконно получившем имущество в процессе ведения своих общественных дел – правда, со сдвигом шкалы на 3 степени в сторону облегчения. Не столь важным было, что сам он ничего не приобрел. Главное, что, занимаясь правомерным делом, он неправомерно нанес кому-то ущерб. Не взял себе – но все же отнял у других.

Опасения насчет огня были столь велики, что даже относительно путников, разжигающих костры вдали и от собственных домов, и от чужих, в Кодексе нашлось несколько слов:

“Если [кто-либо], находясь в дороге, зажег огонь и не загасил его, так что он распространился, соответственно каждому данному случаю наказание уменьшается на 1 степень” [Тан луй..., ст. 430; *Уголовные установления Тан...*, 2008; с. 83–84].

⁵ При стоимости присвоения в 20 *пи* наказание, определяемое по шкале незаконных присвоений с уменьшением на 3 степени, оказывалось равным 90 ударам тяжелыми палками, то есть начинало превышать 80 ударов, полагавшихся за самый факт распространения вышедшего из-под контроля огня на чужое имущество. Именно с этой величины наказание следовало определять уже с применением шкалы незаконных присвоений.

Имеется в виду уменьшение наказаний относительно тех, что были предписаны для тех, кто выжигал поля или заронил огонь. Текст статьи подробнейшим образом разъясняет:

“Если человеку, находящемуся в пути, оказалось необходимо зажечь огонь, то, когда дело было сделано и [огонь] оказался не нужен, всегда необходимо его загасить. Если же [путник] не затоптал и не загасил его, так что огонь распространился на рощи или деревья, хозяйственные и жилые постройки либо имущество [какого-либо] человека, ...наказания... уменьшаются на 1 степень. Имеется в виду, что если [происшедшее в результате] распространения огня присвоение невелико, наказание от высоты 80 ударов тяжелыми палками уменьшается на 1 степень, а если присвоение [наказывается] тяжелее, наказание от высоты [полагающегося за] незаконное присвоение уменьшается на 4 степени, причем [увеличение] наказания ограничивается 1 годом каторги” [Тан люй..., ст. 430; *Уголовные установления Тан...*, 2008; с. 84].

Год каторги полагался при ущербе в 50 *пи*; в ординарной ситуации за 50 *пи* полагались предельные для шкалы незаконных присвоений 3 года каторги. Уменьшение на 4 степени давало 1 год. Шкала, таким образом, не обрезалась сверху, но, как обычно, просто смещалась вся.

Получается, что даже невольный виновник лесного пожара (хотя все же, надо полагать, это не был пожар в совсем уж дикой, никому не ведомой глуши) мог быть наказан соответственно стоимости сгоревших по его вине деревьев по статье о чиновнике, получившем чье-то имущество в процесс исполнения служебных дел. Словно бы путешествие было аналогом исполнения некоей службы, а то, что виновный не загасил огонь – неадекватным ее исполнением. Надо полагать, в статье имелось в виду не бродяжничество, наказуемое само по себе, а законное перемещение, на которое властями был выдан соответствующий разрешительный документ, например подорожная (*госо 過所*); в силу этого путешествие неизбежно приобретало оттенок официального функционирования. Правда, такая служба считалась на 4 степени менее важной, чем служба неполномочного чиновника. Ведь шкала незаконных присвоений была сдвинута на 4 степени в сторону уменьшения.

5

Шутить с огнем нельзя было не только в поле. Стократ осторожнее при обращении с этим коварным первоэлементом надлежало быть в помещениях.

“Всякий, кто заронил огонь в казенном административном здании или учреждении, либо в амбаре или хранилище, наказывается 2 годами каторги. Тому, кто [сделал это] в Дворцовом комплексе (*гуннэй 宮內*), наказание увеличивается на 2 степени. ...Если присвоение, [происшедшее в результате нанесения] ущерба или вреда, [наказывается] тяжелее, наказание определяется за незаконное присвоение” [Тан люй..., ст. 431; *Уголовные установления Тан...*, 2008; с. 84–85].

Тут речь идет явно по большей части о государственных постройках и соответственно о государственных служащих, имевших чиновничий ранг или нет – неважно; иным в казенные амбары или тем более в императорские дворцы широкой дороги не было. В силу важности таких объектов по сравнению с полями или даже частными постройками уже само минимальное наказание тому, кто заронил огонь в учреждении, было принципиально выше, чем наказание за упущенный в поле огонь: 2 года каторги (или даже 3 года в случаях с постройками, входившими в Дворцовый комплекс) против 80 ударов тяжелыми палками. А шкала незаконных присвоений действовала в полной мере, без уменьшения.

Наказание по шкале незаконных присвоений переваливало за 2 года каторги и становилось равным 2.5 года при стоимости уничтоженного имущества в 40 *пи*. Выше располагалось лишь предельное для этой шкалы наказание в 3 года каторги – при ущербе в 50 *пи* и более. А в интервале от минимального ущерба и до ущерба в 40 *пи* следовало просто наказывать 2 годами каторги.

Что касается Дворцового комплекса, то при увеличении на 2 степени исходного наказания, равного 2 годам каторги, получается 3 года. То есть уже за сам факт неосторожности в Дворцовом комплексе полагалось 3 года каторги – предельно возможное по шкале незаконных присвоений наказание. Выше этого наказание вырасти уже не могло – вне зависимости от величины ущерба.

Тот, кто в процессе исполнения им своих обязанностей заронил огонь в казенной постройке и тем нанес ущерб казне, в рамках уже понятной нам тогдашней логики вполне закономерно получал наказание, как если бы в процессе исполнения своих обязанностей незаконно присвоил то, что спалил.

ПРЕДНАМЕРЕННЫЙ УЩЕРБ

1

Для современного человека многосложное содержание статьи, специально посвященной тем злоумышленникам, которые что-то съели или унесли с чужого огорода, выглядит несколько комичным. Но колоссальная экономика громадной китайской империи в ту пору целиком зависела от продуктивности сельского хозяйства. Империя Тан была централизованной бюрократической структурой, обеспечивавшей и стол высших лиц государства, и казенное питание служащих многочисленных центральных и провинциальных учреждений. Это делалось в значительной степени отнюдь не с рынка, а с казенных же парков, садов и огородов. Китай был страной, имевшей тесные и интенсивные внешние связи, а потому обязанной кормить и поить многочисленные иностранные миссии, демонстрируя при том свой авторитет и свое богатство пирами и подарками. Китай был единственной сверхдержавой региона, безопасность которой в огромной степени зависела от армии и, следовательно, от ее продовольственного снабжения (что на пустынных и диких окраинах было непростым делом).

Если учесть еще и то, что редкие и экзотичные плоды были в ту пору куда в большей степени, нежели в эпоху глобализации, объектами не столько простого поедания, сколько престижного потребления, призванными удивлять, прельщать, внушать уважение и трепет, станет понятно, что сохранность продуктов частных и тем более казенных угодий, обеспечение надлежащего перемещения этих продуктов, правильности и своевременности каждого этапа их многоступенчатых путешествий от грядки или ветки к столу было важным элементом организации и экономики, и политики.

Поэтому не может удивлять, что такое, казалось бы, мелкое и безобидное деяние, как “самоуправное поедание” (*чжэши* 輒食), равно как и деяния, с таковым связанные, удостоились подробного правового разбора. Формально речь в соответствующей статье идет в одинаковой мере о казенных и частных угодьях (*гуань сы тянь юань* 公私田園). Однако судя по тому, что основной объем статьи отдан анализу действий тех, кто относился к чиновному сословию (причем чиновники выступают в роли и преступников, и попустителей, и тех, кто, отвечая за плоды, не сумел воспрепятствовать преступникам), понятно, что главной заботой законодателей были именно казенные угодья, их безопасность и сохранность их продукции.

Нормы незаконных присвоений применялись для определения наказаний за одну из градаций подобного рода самоуправства. Любой, кто неправомерным образом унес какие-либо плоды с чужого угодья, согласно стоимости унесенного мог быть наказан по схеме расчета, разработанной для кражи. Нормы эти сулили гораздо более серьезные меры, чем вычислялись при тех же стоимостях похищенного по схеме незаконного присвоения; например, при краже в размере всего лишь 1 *чи* полагалось наказание 60 ударами тяжелыми палками; чтобы получить те же 60 ударов по нормам незаконного присвоения, надо было присвоить уже 4 *ни* 1 *чи*. Однако немедленное поедание тех же самых плодов – возможно, в связи с тем, что съеденное нельзя было затем продать и получить прибыль, возможно, по каким-то совсем уже изысканным причинам, – наказывалось куда легче, хотя все-таки тоже наказывалось.

“Всякому, кто самоуправно съел дыню, плод или [что-либо] такого рода с казенного или частного поля или сада, наказание определяется за незаконное присвоение. Того, кто выбросил или испортил, наказывают таким же образом” [Тан луй..., ст. 441; *Уголовные установления Тан...*, 2008; с. 99].

Снова казенное и частное оказались в данной коллизии уравнены в правах и в правозащите. Применение же в данном случае норм незаконного присвоения воспринимается скорее как дань стандартизации, нежели осмысленное проведение некоей аналогии между нанесением ущерба в процессе некорректного исполнения своих дел, будь то чиновничьих или каких-то иных, скажем, корабельных, строительных и пр. Трудно представить себе, как можно поставить на одну доску, например, неумелое обращение с огнем или ошибку при навигации – и проникновение в чужой огород с целью немедленно съесть что-либо из произрастающих там фруктов.

Однако можно интерпретировать это и несколько иначе. Человек совершил некое неправильное, незаконное действие по отношению к чужой собственности, но при этом ничем не разжился, не разбогател. Дело, которое он исполнил некорректно, было у него одно-единственное: соблюдать закон, не совершать наказуемых деяний. А он не удержался. И при этом результат столь незамысловатого действия, пусть и явно не связанного ни с каким исполнением вверенного дела, оказывался в целом аналогичным иным результатам расширительно трактуемых незаконных присвоений. Плоды определенной стоимости перемещались с грядки или ветки в небытие, в состояние нулевой стоимости, и с этой точки зрения применение шкалы незаконных присвоений вполне вписывается в ряд иных ее применений. Более того:

“Непосредственно ответственный чиновник (*чжусы* 主司), который отдал [кому-либо дыню, плод и т.д. – *B.P.*], получает наказание, увеличенное на 1 степень. ... Непосредственно ответственный за данный сад чиновник (*дан юань чжусы* 當園主司), отдавший дыню, плод или [что-либо] подобное человеку с тем, чтобы тот это съел, получает наказание, увеличенное на 1 степень относительно [полагающегося за] незаконное присвоение. Имеется в виду, что при стоимости в 1 *чи* наказание – 30 ударов легкими палками, и за [каждую последующую] 1 *пи* наказание увеличивается на 1 степень” [Тан луй..., ст. 441; *Уголовные установления Тан...*, 2008; с. 100].

Здесь, конечно, имелись в виду прежде всего казенные угоды или приравненные к ним угоды высших лиц государства – вряд ли рядовые частные сады могли вверяться чиновникам. Поэтому разница между частным и казенным все же проявлялась, но не в вариациях наказания исходных преступников, а в том, что в ситуациях с казенными угодами наказанию подлежали еще и ответственные за них лица.

Дать или не дать свою дыню прохожему с частного сада было, видимо, признако абсолютно личным делом частного владельца, а если он нанял кого-то для охраны частным порядком, он и должен был по собственному разумению разбираться с неуместно добрым сторожем. Но государственные сады были неприкосновенны – не в том смысле, что произраставшие в них плоды ценились на вес золота, а в том, что должностные лица, которым они были вверены, отвечали за их сохранность в большей степени, нежели ничем с данным садом не связанные, никаких высоких долженствований перед ним не имевшие голодные прохожие.

А потому и наказание для этих должностных лиц предусматривалось более тяжелое, нежели для тех, кто просто что-то там ухитрился сорвать и съесть. Служилый садовник не сам съел тот или иной плод, не сам его присвоил, не сам за счет него поживился, но он рискнул в процессе исполнения своих служебных обязанностей санкционировать (или даже инициировать, об этой разнице в законе нет ни слова) перемещение того, что и самому ему не принадлежит, к тому, кому это в принципе не может принадлежать.

Это был чистый, классический, строго соответствующий определению ущерба, нанесенный в процессе некорректного исполнения вверенных дел, но его, чтобы он не оказался уравненным с ущербом, нанесенным простым прохожим, понадобилось наказывать уже не по шкале незаконных присвоений, а с утяжелением этой самой шкалы на 1 степень.

По нормам незаконных присвоений наказывались и деяния, которые мы назвали бы актами немотивированной агрессии или вандализма.

“Всякий, кто испортил... надгробную стелу [какого-либо] человека или [чье-либо] каменное [изваяние в виде] животного, наказывается 1 годом каторги. Если испортил погребальную дщицу [какого-либо] человека с именем [его] предка, наказание увеличивается на 1 степень. Если были преднамеренно испорчены предметы, для восстановления которых потребуется [значительный] труд, из расчета найма [рабочих] наказание определяется за незаконное присвоение. ...Предметы, для восстановления которых потребуется [значительный] труд – имеются в виду терема, привратные башни, стены, рвы и [другие предметы] такого рода” [Тан луй..., ст. 443; *Уголовные установления Тан...*, 2008; с. 102–103].

Преднамеренность порчи крупных объектов инфраструктуры, казалось бы, начисто должна была снять всякое сходство данного преступления с незаконным присвоением – неправомерным перемещением неких ценностей в процессе осуществления вверенных дел. И действительно, это преступление поставлено в ряд иных, никакого отношения к обыденному функционированию чиновников или простолюдинов не имеющих. В ряд осознанных разрушительных, оскорбительных действий – разрушения, например, надгробий. За эти преступления закон предписывал совершенно определенные наказания, сравнительно суровые и не уподобляемые наказанию имущественных преступлений: 1 и 1.5 года каторги.

Однако определенная логика тут все же просматривается. Разрушитель, проковыривая, например, стену сторожевой башни или выламывая камень из городской стены, не совершал ничего идеологически и культурно оскорбительного. Он лишь присваивал будущий труд, стоимость будущих ремонтных работ. И наказание определялось согласно стоимости того количества труда, который должен будет затрачен на ремонт.

Явно угадывается идеологическая схема, подобная рассмотренным выше. Есть же у каждого подданного империи дело: не разрушать ничего, что построено. Некто совершил то, чего совершать не следует, и при этом, сам ничуть не разбогатев, сделал государство беднее на ту сумму, которую придется истратить на исправление его разрушительных действий. Корысти у преступника нет, он не похититель, не вор. Но он отнял у страны стоимость восстановления разрушенного.

Словом, если только некий подданный империи оказывался вовлечен в ситуацию, где от него требовались строго определенные действия, альтернативой которых были действия недопустимые и потому наказуемые, он оказывался фигурой, в чем-то аналогичной служащему чиновнику. Даже если он не был кадровым управленцем, даже если вообще не служил – он выполнял некий долг перед страной. И при этом – не выполнил его. Совершил именно альтернативное действие. И при этом превратил нечто в ничто, испарил некую стоимость, сделал так, что казенная или частная вещь перестала существовать. Этого было достаточно, чтобы с той или иной степенью строгости приравнять его к алчному государственному служащему, в процессе службы присвоившему себе что-то чужое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ниидэ Нобору. *То рё сю и (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан)*. Токио, 1964.
- Рыбаков В.М. *Танская бюрократия. Ч. 2. Правовое саморегулирование*. Т. 1. СПб., 2013.
- Свод законов “Тайхорё”* / Вступ. ст., пер. с древнеяп. и коммент. К.А. Попова. Т. 1–2. М., 1985.
- Тан луй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // *Цуншу цзичэн (Библиотека-серия)*. Т. 775–780. Шанхай, 1936–1939.
- Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан луй шу и)* / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 26–30. СПб., 2008.